

А.Ю. Ивлева, К.Б. Свойкин*

КАТЕГОРИЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ И ЗАПАДНОМ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ

Статья посвящена категории эквивалентности и ее восприятию в отечественном и западном переводоведении. Приводятся разнообразные точки зрения по проблеме эквивалентности, делается вывод о необходимости осознания всесторонней природы перевода. Это приведет к новым результатам и позволит рассматривать перевод не только с точки зрения соответствия языковой норме, но и с позиции целесообразности в рамках меняющихся потребностей современного общества.

Ключевые слова: эквивалентность, советское переводоведение, западное переводоведение, языковая асимметрия, политическая асимметрия, культурный поворот, норма, оценка качества перевода.

На протяжении многих десятилетий такое понятие, как «эквивалентность», являлось не просто одним из важнейших в теории перевода, но центральным, вокруг которого разворачивались переводоведческие исследования. Эквивалентность «диктовала» определенные условия, отметала то, что не подходило под ее параметры. Известно, что в советском переводоведении изучению эквивалентности уделялось много внимания. Достаточно вспомнить широко известные и авторитетные многоуровневые теории эквивалентности, несомненно, позволившие отечественной теории перевода продвинуться вперед, двигаясь в рамках сопоставительной лингвистики. Для лингвистов-практиков, работающих в нестоличных вузах на факультетах иностранных языков и преподающих перевод, немисливо представить себе процесс обучения переводу без пристального рассмотрения особенностей эквивалентности. Всякий новый подход к переводу, не предполагающий помещения эквивалентности на пьедестал недостижимого и необсуждаемого авторитета, воспринимается как дополнительный, ни в коей мере не затмевающий традиционный лингвистический подход к переводу, в котором главенствующая роль эквивалентности в принципе не обсуждается.

Цель нашей статьи состоит в том, чтобы показать, что на современном этапе развития теории перевода в России, целесообразно объективно подойти к интерпретации проблемы эквивалентности, чтобы не позволить современной науке о переводе «топтаться на месте», пожиная плоды былой славы, в лучшем случае занимаясь сопоставлением конкретных текстов оригинала и перевода, и выявлять те переводческие трансформации, которые были применены переводчиком. Одним из важнейших шагов в данном направлении мы считаем то, что необходимо прислушаться к сопутствующим основному направлению веяниям, возникаю-

щих в переводоведении, попытаться найти рациональное начало в них и, взяв на вооружение самое лучшее, продолжать развиваться не только в рамках эквивалентности перевода.

Еще двадцать лет тому назад повсеместно в нашей стране можно было слышать утверждения о том, что переводоведение – молодая наука, поэтому ее понятийный аппарат не до конца сформирован. Вряд ли сейчас это утверждение правомерно. С уверенностью можно утверждать, что теория перевода обрела силу, появился новый подход к переводу – коммуникативно-функциональный. Более того, этот подход, элементы которого можно наблюдать в работах К. Райс, Д. Селескович, Ж. Деллиа и других западных переводоведов, активно развивается в трудах отечественного теоретика и практика перевода В.В. Сдобникова [1]. Появление нового подхода и его неизбежное внедрение свидетельствуют о том, что теория перевода – вполне зрелая отрасль науки. Здесь-то и возникает вопрос, отраслью какой науки выступает переводоведение – лингвистики, литературоведения, культурологии, психологии, социологии? Следуя формальным традициям отождествления отрасли науки с конкретной областью, господствующим в России, мы, несомненно, отнесем переводоведение к лингвистике. А если это так, то, значит, теория перевода должна развиваться в рамках лингвистических законов. Несмотря на то что еще в 50-е годы XX века в Советском Союзе шли ожесточенные споры насчет того, следует ли рассматривать перевод исключительно в рамках лингвистического подхода, выразившиеся прежде всего в работах сторонника литературоведческого направления в переводоведении И.А. Кашкина, писавшего: «...сторонники этого метода предлагают уже сейчас сдать художественный перевод в ведение лингвистам, с тем чтобы те изучили пока не изученные случаи лингвистических соответствий. А перевод-

* © Ивлева А.Ю., Свойкин К.Б., 2017

Ивлева Алина Юрьевна (trp@fld.mrsu.ru), Свойкин Константин Бертольдович (ang_phil_chair@mail.ru), факультет иностранных языков, кафедра теории речи и перевода, национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева», 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68.

чикам приходится ждать готовых решений, которыми и руководствоваться, что вовсе не соответствует запросам художественного перевода, который ждет от теоретиков не штампованных рецептов готовых языковых решений, а глубокого изучения основных проблем поэтики художественного перевода» [2, с. 104], к концу 60-х годов между оппонентами состоялось примирение. Принимая во внимание тот факт, что картина мира эпохи формирует основные точки зрения по волнующим ученых и общественность проблемам, становится вполне понятным, почему лингвистический подход к переводу, основанный на принципах эквивалентности, приобрел такую популярность именно в Советском Союзе. Достаточно вспомнить о расширении переводческой деятельности и значительном увеличении числа международных контактов страны начиная с 30-х годов XX века. Контакт осуществлялся не только в гуманитарной, но и в общественно-политической и научно-технической сферах. Эти факторы, несомненно, определили релевантность специальных видов перевода, исследователи осознали, что большая часть трудностей, возникающая при переводе, обусловлена расхождениями в структурах и правилах функционирования пары языков, участвующих в переводе. Понимание того, что в специальном переводе лингвистические факторы доминируют, способствовало обращению ученых к лингвистическим аспектам переводческой проблематики, которые устремились к привлечению лингвистических методов к исследованию закономерностей перевода. Помимо внешних факторов развитие языкознания в этот период времени подготовило почву для повсеместного внедрения лингвистической теории перевода. В центре внимания языковедов оказались проблемы, связанные с синхронным описанием современных языков, ученые были заинтересованы выявлением черт сходства и различия между языками. Оказалось, что данные, получаемые языковедами во время анализа переводческой деятельности, в которой языки, сталкиваясь друг с другом, вступают в диалог, могут быть весьма важными для языкознания в целом. Все это не могло не мотивировать деятельность лингвистов в области разработки теории эквивалентности. Наконец, нельзя не упомянуть и третий фактор, обусловивший необходимость развития лингвистического подхода к переводу, заключающийся в необходимости качественной и массовой подготовки переводчиков. Для разработки учебных программ по практике перевода необходимо было прежде всего указать на лингвистические факторы, влияющие на ход и результат процесса перевода. В 50–60-е годы XX века достигают расцвета лингвистические методы исследования и принципы контрастивной лингвистики. Принципы эквивалентности, разрабатываемые в это время, стимулировали развитие машинного перевода. Хотя уже в 1964 году специальный комитет Национальной Академии наук США признал, что машинный перевод не годен к употреблению, и неизвестно, каковы перспективы успешного развития данного вида перевода, исследования самой возможности машинного перевода,

связанной с выявлением общих черт в выбранной паре языков, стало одним из движущих механизмов развития лингвистического подхода к переводу. Не только в СССР, но и на Западе велось авторитетные исследования в области лингвистической теории перевода в целом и теории эквивалентности в частности. Так, книга Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне «Сопоставительная стилистика французского и английского языков» стала настольной для многих сторонников теории эквивалентности. Ведь ученые предприняли попытку систематизировать различные способы перевода, что повлекло за собой активную работу переводоведов в области описания переводческих трансформаций [3]. В 1965 году вышла книга Дж. Кэтфорда «Лингвистическая теория перевода», в которой доказывалось, что центральной проблемой теории перевода является проблема эквивалентности. Автор утверждал, что при переводе заменяются значения в одном языке значениями в другом языке, при этом ни переноса, ни воспроизведения значения единиц оригинала не происходит. Используя компонентный анализ, ученый показывает, что в основе замены лежит пусть частичное, но совпадение семы состава соотнесенных высказываний в оригинале и переводе. Во второй половине 60-х годов прошлого века лингвистический подход к переводу еще более укрепился благодаря работам О. Каде и А. Нойберта. Ученые рассматривали перевод как в основном лингвистический процесс, обеспечивающий межъязыковую коммуникацию. При этом указывалось, что на ход и результат переводческого процесса влияют преимущественно лингвистические факторы.

Общеизвестным является тот факт, что к концу 60-х годов XX века практически сложилась новая ветвь лингвистики – переводоведение. Теория перевода развивалась в рамках лингвистического подхода к переводу, основанного на принципе эквивалентности. Впоследствии пути развития переводоведения в России и на Западе разошлись. В России оно шло по пути обогащения новыми концепциями, теориями, идеями, представляющими собой полифонию мнений, терминологических расхождений, способствующих терминологической синонимии, но, неизменно, в рамках лингвистической теории. Ученые описывали закономерности и возможности перевода в рамках разноуровневых моделей эквивалентности. На Западе развитие переводоведения «похоже на горную речку, которая энергично отрывается от своего истока, сопоставительной лингвистики, и бурно течет по разным долинам близких наук, сравнительного литературоведения, когнитивистики, культурологи, социальных наук... иногда меняя свое русло при преодолении так называемых поворотов...» [4, с. 9].

Следовательно, до недавнего времени в отечественном переводоведении во внимание принималась только языковая асимметрия, влекущая за собой применение принципа эквивалентности при сопоставлении текстов оригинала и перевода. А как же тот факт, что языковая асимметрия – всего лишь частный случай асимметрии в целом – политической, экономической, культурной? Перевод напря-

мую связан с потребностями человека, с особенностями оригинальной и принимающей культуры. Перевод – это далеко не абстрактный конструкт. Вряд ли возможно изучение процесса и результатов перевода исключительно в рамках эквивалентности. Хотя в разное время разные теоретики перевода в России, безусловно, осознавая этот факт, пытались выйти из затруднительного положения по-разному.

Так, непререкаемый авторитет отечественного переводоведения В.Н. Комиссаров предложил такую модель эквивалентности, которая до некоторой степени преодолевает, казалось бы, непреодолимые экстралингвистические препятствия. Дело в том, что ученый исходит из того, что в принципе определить понятие эквивалентности достаточно проблематично, так как «тезис об исчерпывающей передаче содержания оригинала не находит подтверждения в наблюдаемых фактах, и его сторонники вынуждены прибегать к многочисленным оговоркам, которые фактически выхолащивают исходное определение» [5, с. 120]. Комиссаров анализирует современные для него подходы к определению эквивалентности, которые, к слову, бытуют в России и сейчас, и приходит к выводу о том, что можно выделить несколько подходов. Первый охарактеризован тем, что возможна частичная эквивалентность, так как при переводе неизбежны потери, то есть значение текста оригинала передается не полностью. При таком трактовании эквивалентности становится очевидно то, что неизменным как для оригинала, так и для перевода остается план содержания. Второй подход к решению проблемы эквивалентности, на который обращает внимание ученый, заключается в попытке обнаружения инвариантной части, сохранение которой позволяет достигать эквивалентности в переводе. Часто в роли такого инварианта выступает либо функция самого текста оригинала, либо ситуация, описываемая в тексте. Следовательно, если перевод выполняет сходную с текстом оригинала функцию, значит, он эквивалентен. В качестве примера, подтверждающего эту гипотезу, можно привести перевод текста инструкции, при использовании которого возможно правильное применение технического устройства. Третий подход предполагает определять переводческую эквивалентность эмпирически. Этот подход сейчас наиболее популярен в периферийных вузах, где студенты, магистры и даже аспиранты сопоставляют реально выполненные переводы с их оригиналами, анализируя, на чем основывается их эквивалентность. Следующий подход к определению эквивалентности основан на классификации речевых функций. Здесь цель коммуникации, сохранение которой и отождествляется с эквивалентностью, может быть истолкована как часть содержания высказывания, выражающая доминантную функцию этого высказывания. Таким образом, сохранение цели коммуникации оказывается необходимым и достаточным условием эквивалентности перевода. В своей классификации уровней эквивалентности ученый предлагает также рассматривать эквивалентность на уровне ситуации и на уровне способа описания этой ситу-

ации. Что касается последнего, то здесь не обойтись без различных видов семантического варьирования.

Хорошо всем известная теория уровней эквивалентности Комиссарова до сих пор является бесспорным лидером среди прочих моделей эквивалентности, предложенных в разное время разными представителями переводческих школ России. Несмотря на то что только сравнение текстов оригинала и перевода позволяет определить степень близости перевода, достигнутой переводчиком в каждом конкретном случае вычленения единицы перевода, к оригиналу, гипотеза ученого представляется весьма интересной, так как она позволяет исследователю осознать необходимость расширения поисков, чтобы проследить не только явный, самый простой для наблюдения, языковой уровень эквивалентности, но и попытаться описать другие, более сложные, не поддающиеся явной визуализации, аспекты переводческой деятельности. Очевидно, что описание глубинных механизмов перевода невозможно осуществить с помощью исключительно эквивалентности перевода. Именно это и приводит исследователей перевода к мысли о том, что эквивалентность как категория и как сущность некоторых переводческих операций должна быть дополнена иными категориями. Интерпретация процесса и результата перевода сквозь призму иной теории, отличной от теории эквивалентности, позволит увидеть продуктивность новых подходов к переводу и, самое главное, выведет теорию перевода на абсолютно новую ступень развития. Это, в свою очередь, улучшит качество производимых переводов и обогатит сложившуюся традицию и практику перевода.

Очевидно, что прежде всего современному научному сообществу следует признать тот факт, что парадигма чисто лингвистических исследований в области переводоведения исчерпала себя. Лингвистический подход к переводу предполагает прежде всего утверждение о том, что языки сходны между собой. Позднерационалистическая модель лингвистических универсалий, якобы единых для всех языков, ставила своей целью установить межъязыковые соответствия. Универсальный алгоритм предлагали как сторонники машинного перевода, так и представители Лейпцигской школы перевода. Тем не менее реальность показывает, что для неспециальных текстов эквивалентность – скорее исключение, нежели алгоритм, некое незыблемое правило.

Как отмечает Э. Прунч, отношения с культурологией у переводоведения строились в рамках диалога [4]. На Западе движение переводоведения претерпело множество неожиданных для нас поворотов. Так, например, М. Снелл-Хорнби, указывая на сложность и комплексность объекта исследования в теории перевода, в значительной степени простимулировала очередную смену парадигм в области переводоведческих исследований. Разноплановость объекта изучения отнюдь не способствовала внутридисциплинарному герметизму, наоборот, требовалось применение абсолютно новых для переводоведения подходов. Так, теория пере-

вода развернулась в сторону социологии, начав уверенно применять ее концепции и методы. Постепенно внимание переводоведов под воздействием скопос-теории, пражского структурализма, манипулятивной школы перевода смещается в область поиска не соответствия между языками, а различия между ними. В западном переводоведении начиная с 90-х годов прошлого века в центре внимания исследователей становится переводчик. Именно ему, а не абстрактно идеализированному конструкту эквивалентности вменяется в обязанность преодолевать различия между оригиналом и переводом.

Вероятнее всего предположить, что этапность развития теории перевода выдвигает на первый план ту или иную парадигму исследования, что обуславливает доминирующие подходы, применяемые исследователями. Если на первом этапе произошла переориентация от кажущейся симметрии языков к истинной языковой асимметрии, то на следующем этапе стало очевидно, что асимметрия языков – лишь следствие асимметрии культур. Следующий шаг очевиден: исходный текст перестает быть священным, автор больше – не непререкаемый авторитет, читатель включен в поле коммуникации, оригинал возрождается контингентным переводом. Очевидно, что упорное следование тенденциям уже прошедшего этапа вряд ли приведет исследователей к научным озарениям. До тех пор пока мы ссылаемся на исключительное положение эквивалентности в понятийно-терминологической иерархии, мы попустительствуем желанию переводчика сложить с себя ответственность, скрыться под маской текста оригинала, служить власти, которая интерпретирует текст, вместо того чтобы, деконструируя знаки, открывать рецептору дверь в такое интеллектуальное пространство, в котором в том числе обсуждаются вопросы, связанные с маргинализированными группами населения. Чтобы не допустить превращения мертвых конструктов глобализации в живые организмы, составляющие культурное пространство эпохи, необходимо начать со смелого признания того, что переводчик, производящий символические блага, играет чрезвычайно важную роль. Именно правильная оценка переводчиком коммуникативной ситуации, ее параметров, выработка стратегии перевода, в рамках которой применяются релевантные ситуации тактики, а не подчинение своей деятельности принципам эквивалентности позволяет переводчику преодолевать свое маргинализированное положение в обществе, наделяет его истинной властью, создает таким образом платформу для профессионально-политической самоорганизации переводческого сообщества.

На заре расцвета дескриптивных исследований в западном переводоведении был выдвинут постулат о том, что продукт перевода в целевой культуре может считаться собственно переводом при наличии условия эмпирически проверенных данных. Несмотря на принципиальные возражения к требованию как таковому, его оказалось более чем достаточно для разрушения традиционного определения эквивалентности. Г. Тури, так или иначе

затрагивая проблему эквивалентности в своих трудах, отмечал, что классическая интерпретация эквивалентности как обязательно устанавливаемое тождество элементов исходного и переводного текстов является слишком узким. Ученый предлагает исторически обусловленное понятие эквивалентности. По сути, исследователь предлагает функционально обусловленную концепцию, которая наполняется содержанием только по отношению к действующим переводческим нормам. Переводоведы многократно отмечали терминологическую путаницу, связанную с определением эквивалентности, предложенным Тури. Однако при внимательном изучении подходов ученого нельзя не обратить внимания на дальновидность ученого, который, на наш взгляд, преднамеренно усложняет данное им определение, чтобы дать пространство для маневра переводчику-практику. На самом деле, Тури с одной стороны говорит о нормах, а с другой стороны, тут же отмечает их условно-обязательную природу [6]. Следуя концепции Тури, Э. Честерман разрабатывает такую теорию переводческой деятельности, которая в свое время вошла в противоречие с официальной теорией нормативной эквивалентности [7]. Вскоре центр тяжести переводческих исследований смещается в сторону дескриптивной теории. Так, безусловно, переводоведение переходит из прикладной лингвистики в междисциплинарную область научной деятельности, находящейся на стыке упомянутых нами выше культурологии, психологии, социологии. Идеи, связанные с желанием определения истинного места и роли эквивалентности, достигли своего апогея в 90-х годах XX в. Например, М. Тымочко оригинально объясняет господство эквивалентности в некоторых культурах. Анализируя тексты древнеирландской литературы, ученый рассматривает вопрос о проблеме перевода устной традиции в бесписьменных культурах. Исследователь делает вывод о том, что в абсолютном большинстве культур до наступления Нового времени господствовала устная традиция, зачастую игнорируемая представителями российской школы перевода. Был сделан логичный вывод о том, что концепция эквивалентности характерна преимущественно для письменных культур, которые ориентированы на слово и текст. Что касается условий устной традиции, исходные тексты можно разбить на такие единицы, которые возможно приблизить к целевой культуре. В данных предположениях затрагиваются две важные темы, ставшие доминирующими для англо-американского переводоведения 1990-х. Первая из них связана с репрезентацией чужих культур с помощью перевода. Вторая – рассматривает конкуренцию властей при воссоздании знаний и смыслов в отношениях господствующих и подчиненных культур [8]. Работы Тымочко знаменуют собой очередной переход в области парадигмы переводческих исследований, который окончательно укоренился в трудах Э. Саида, начавшего дискуссию о постколониализме. Колонизация как частично насильственное подчинение чужих культур и насаждение доминант собственной культуры планомерно разрушала представление об этих подчиненных культурах. Пост-

колониальная теория позволила полностью отказаться от европоцентристского понимания перевода и пересмотреть биополярную модель мышления [9]. Логическим продолжением всех этих процессов стала утрата центральной позиции эквивалентности. Теперь уже не эквивалентность между текстами и их элементами, а творческое различие между текстовыми и культурными элементами занимает доминирующее положение в культурном сознании индивида.

Совершенно очевидно, что постепенный переход от системной лингвистики к лингвистике текста, затем к культурологии, а через нее к когнитивистике, социологии ознаменовал собой глобальную смену парадигмы исследования в области гуманитарного знания. Отказ от жесткой бинарности, предполагающие только один единственный правильный вариант, влечет за собой отказ от нормативного переводоведения, в основе которого лежит принцип эквивалентности. Поиск переводческого решения определяется коммуникативной ситуацией, а не эквивалентностью. Осуществление деконструкции сигнификатов и конструктивных свойств текстов в контексте жизненного пространства говорит в пользу того, что переводчик является полноправным участником коммуникации, сотворцом культурного пространства, в котором осуществляется перевод. Безусловно, такое понимание переводческой деятельности влечет за собой серьезные проблемы, незнакомые прежде незаметному дешифровщику сообщений, как то: превращение открывшихся перед переводчиком возможностей в череду взаимоисключающих условий, отсутствие ответственности за содеянное и т. д. Но все эти проблемы и их анализ напрямую не затрагивают наши интересы в данной статье, хотя вовсе не упомянуть их было бы неправомерно.

Исходя из нашей статьи, может показаться, что на современном этапе развития западное переводоведение полностью отказалось от категории эквивалентности. Но это не совсем так. И. Левый, Л. Венути и представители этики идентичности в переводе считают эквивалентность центральным понятием, говоря о необходимости сохранения и миметическом воссоздании авторской и культурной подписи исходного текста. Постструктуралистская этика идентичности преследует не только цель сохранения самобытности чужой культуры, но и цель ознакомления реципиентов принимающей культуры с опытом этой чужой культуры и их последующего диалога [10; 11]. Форенизирующий перевод, при котором языковая и культурная асимметрия нарушает языковые и эстетические нормы принимающей культуры во время осуществления перевода, может привести к самым разным историческим и прагматическим последствиям. Именно этика идентичности позволяет принимающей культуре обогатиться за счет знакомства с другой культурой. Противоположная этике идентичности этика дифференциации выдвигает на авансцену различия между системами чужой и принимающей культур, изобличая эквивалентность как иллюзию. Отметим, что представители направления

«этика идентичности» прежде всего имеют дело с художественными текстами. Для художественного перевода такой подход оправдан, так как благодаря ему внедряется «другость» чужой культуры. Однако если мы ведем речь, скажем, о коммунальном переводе, подобный перевод может способствовать изоляции маргинализованных иммигрантских меньшинств, особенно если в принимающей культуре присутствуют ксенофобские настроения. Всякое посредничество в принципе исключено, так как имеет место быть идеологизирование когнитивных и культурных барьеров.

Казалось бы, что сформированы все предпосылки для того, чтобы низвергнуть авторитет эквивалентности, но возникает простой вопрос: как, избегая параметров эквивалентности, оценить готовый перевод? Оценка перевода – несомненное условие сохранения качества перевода. Оценка качества перевода включена в схемы, описывающие процесс перевода. Очевидно, что на современном этапе развития переводоведения в России преобладает текстоцентрический подход к решению проблемы оценки качества представленного перевода. Следовательно, параметры этой оценки зиждятся на эквивалентности. Таким образом, тексты оригинала и перевода сопоставляются без учета тех условий, в которых был осуществлен перевод. Перевод как бы рассматривается *postfactum*, степень же его эквивалентности оценивается на данный конкретный момент проверки перевода. Безусловно, этот факт говорит не в пользу такого подхода, так как способствует отрыву реальной коммуникативной ситуации с участием перевода от ситуации экспертной оценки качества перевода. На самом деле один и тот же текст может быть переведен по-разному в зависимости от фактора адресата. Наша личная переводческая практика подтверждает этот факт многократно, например, осуществляя устный перевод, связанный с фармацевтической продукцией, мы прибегали к разным тактикам перевода, в зависимости от конкретных параметров коммуникативной ситуации. Ориентируясь на интересы заказчика перевода и его получателя, во главу угла мы ставим адекватность перевода, когда сохраняется прагматический эффект, поэтому перевод одного и того же текста разнится в аудитории фармацевтов, пытающихся понять преимущества и недостатки лекарства, о котором идет речь; коммерческих структур, нацеленных на выгодную продажу фармацевтической продукции; обывателей разного возраста, принадлежащих к разным социальным группам, надеющихся на эффективное лечение с использованием лекарства, о котором рассказывают. Данный пример не является единичным в современной переводческой практике, он скорее подтверждает все более и более набирающую темпы тенденцию. Появились такие системы оценки перевода, в которых усматривается как бы интуитивный учет условий осуществления перевода. Формализация достигается путем классификации переводческих ошибок, вычисления индекса качества перевода, сопоставления полученного индекса с принятым для данного конкретного типа текста качеством перевода. В рамках данной тен-

денции М.А. Куниловская выделяет два типа классификаций ошибок: индустриальные и академические [12]. Отметим, что формализованные классификации переводческих ошибок наиболее распространены в профессиональной среде. Они продиктованы практической потребностью заказчика и бюро переводов квантифицировать качество промышленных переводов на основе некоего универсального подхода. Некоторые такие системы признаны международными и национальными организациями по стандартизации (DNS 2345, Multidoc), принимаются в определенной сфере экономики, например в автомобильной промышленности (SAEJ 2450), и т. д. Анализ формализованных индустриальных систем оценки качества перевода позволяет Куниловской сделать вывод о том, что основными параметрами оценки являются: смысловая точность, терминологическая грамотность, стилистическая адекватность, языковая правильность, техническое оформление перевода.

Субъект оценки может перераспределить вес ошибок в зависимости от коммуникативной направленности переводимого текста и условий осуществления перевода. Таким образом, движение оценки качества перевода в сторону коммуникативной ситуации все более отдаляет эксперта от принципов эквивалентности текста оригинала тексту перевода. В реальной действительности оценивается каждый выполненный перевод, который имеет своего критика. Вердикт оценщика перевода должен выноситься максимально объективно. Этому во многом способствует осознание критиком перевода необходимости соотносить готовый перевод с профессиональными или познавательными потребностями аудитории, для которой он был осуществлен. Объективность также достигается, если принимается во внимание оценка переводного текста его конечным адресатом. Следовательно, согласно коммуникативно-функциональному подходу к переводу, «Способность перевода удовлетворять потребности участников коммуникативного акта и / или инициаторов перевода есть, по сути, наиглавнейший критерий его качества» [13, с. 64].

Тем не менее было бы неправильно полагать, что в качестве субъекта конечной оценки перевода выступает только реципиент. В разных ситуациях, связанных с переводом, разные люди обретают качество субъектов, оценивающих качество перевода, именно их мнение при определенных условиях будет доминирующим. Следовательно, деятельность переводчика, предопределенная конкретной коммуникативной ситуацией, нормирована не принципом эквивалентности, а учетом потребностей и ожиданий тех субъектов, которые являются получателями перевода. Наши рассуждения подводят к мысли о том, что нормативно-оценочная категория эквивалентности связана со сферой речевых произведений, то есть относится к языку, в то время как адекватность соотносима с коммуникативной ситуацией. Причем именно адекватность, а не эквивалентность переводного текста представляет собой высшее требование в роли критерия оценки качества перевода. Если в лингвистическом подходе к переводу считается, что невозможно выделить

разные степени адекватности, что перевод либо адекватен, либо нет, то в коммуникативно-функциональном подходе допустима иерархия адекватности.

Перевод, будучи инструментом коммуникации, обеспечивает совместную деятельность коммуникантов. Успешность совместной деятельности должна оцениваться каждым коммуникантом. Оценки качества перевода, безусловно, будут формироваться на основе тех критериев, которые приемлемы для каждого субъекта коммуникативного акта. Так, для автора текста оригинала доминирующим критерием оценки качества перевода является соответствие реакций получателей переводного текста их ожиданиям. Инициатор перевода оценивает готовый перевод, преимущественно прибегая к мнению других, то есть надеется на отзывы непосредственных участников коммуникативной ситуации с участием перевода, оценивая таким образом его адекватность. Итак, для инициатора важен успех мероприятия, элементом которого был перевод, для автора исходного текста важен перевод с точки зрения соответствия его ожиданиям и ценности для реципиента, для получателя основным будет качество перевода и форма его представления. Критерии оценки качества перевода, как мы уже упоминали, варьируются от типа к типу коммуникативных ситуаций.

Неоспоримым является факт того, что оценка качества перевода зависит от параметров коммуникативной ситуации, ожиданий коммуникантов, соответствия их предметной деятельности. Именно характер коммуникативной ситуации вкупе с типом переводимого текста определяют того самого субъекта, который станет оценивать качество переводного текста. При этом один и тот же текст может быть передан на другом языке по-разному, в зависимости от типа коммуникативной ситуации и интересов участников коммуникативного акта с привлечением перевода. Следовательно, оцениваться переводы будут по-разному, всякий раз с учетом вышеназванных параметров. Вряд ли можно дать жесткую схему оценки качества перевода.

Отсутствие четких границ, нормирующих переводческую деятельность, — факт, столь характерный для современного мира, опрокидывает традиционное представление об осуществлении переводческой деятельности в рамках эквивалентности перевода.

Библиографический список

1. Сдобников В.В. Перевод и коммуникативная ситуация: монография. М.: Флинта, 2015. 461 с.
2. Кашкин И.А. Для читателя-современника. М., 1968. 449 с.
3. Vinai J.P. et Darbelnet J. Stylistique comparie du francais et de langlais. Paris, 1958.
4. Прунч Э. Пути развития Западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической. М.: Р. Валент, 2015. 511 с.
5. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. 2-е изд., испр. М.: Р. Валент, 2011. 408с.

6. Toury Gideon. In Search of a Theory of Translation. Tel Aviv: The Porter Institute for Poetics and Semiotics (Meaning and Art 2 1980).

7. Chesterman, Andrew Memes of Translation. The spread of ideas in translation theory. Amsterdam, Philadelphia: Benjamins. 1997.

8. Tymoczko Maria (1990). Translation in Oral Tradition as a Touchstone for Translation Theory and Practice, in: Bassnett + Lefevere eds. 1990. p. 46–55.

9. Said, Edward W. (1991) *Orientalism*. Harmondsworth et al.: (Penguin books: Penguin history).

10. Levý, Jiří (1967). Translation as a Decision Process, in: *To Honor Roman Jakobson. Essays on the occasion of his 70. birthday, 11. October 1966*. Band: 2, The Hague etc.: Mouton (Janualinguarum. Seriesmaior 32), 1171–1182)

11. Venuti, Lawrence (1995) *The Translator's Invisibility. A History of Translation*. London and New York: Routledge (Translation Studies).

12. Куниловская М.А. Классификация переводческих ошибок и их разметка в brat // Проблемы теории, практики и методики перевода: сборник научных трудов. Сер.: Язык. Культура. Коммуникация. Вып. 16. Т. 1. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2013. С. 59–71.

13. Сдобников В.В. Оценка качества перевода. Коммуникативно-функциональный подход: монография. М.: Флинта; Наука, 2015. 107 с.

References

1. Sdobnikov V.V. *Perevod i kommunikativnaia situatsiia. Monografiia* [Translation and communicative situation. Monograph]. M.: Flinta, 2015, 461 p. [in Russian].

2. Kashkin I.A. *Dlia chitatelia-sovremennika* [For contemporary reader]. M., 1968, 449 p. [in Russian].

3. Vinai J.P. et Darbelnet J. *Stylistique comparie du francais et del anglais*. Paris, 1958 [in French].

4. Prunch E. *Puti razvitiia Zapadnogo perevodovedeniia. Ot iazykovoii asimmetrii k politicheskoi* [Ways of development of Western translation theory. From

language asymmetry to the political one]. M.: R. Valent, 2015, 511 p. [in Russian].

5. Komissarov V.N. *Sovremennoe perevodovedenie. 2-e izd., ispr.* [Modern translation theory. 2nd edition, revised]. M.: R. Valent, 2011, 408 p. [in Russian].

6. Toury Gideon. In Search of a Theory of Translation. Tel Aviv: The Porter Institute for Poetics and Semiotics (Meaning and Art 2 1980) [in English].

7. Chesterman Andrew. Memes of Translation. In: *The spread of ideas in translation theory*. Amsterdam/Philadelphia: Benjamins, 1997 [in English].

8. Tymoczko, Maria (1990) "Translation in Oral Tradition as a Touchstone for Translation Theory and Practice". In: Bassnett + Lefevere eds. 1990, pp. 46–55 [in English].

9. Said Edward W. (1991) *Orientalism*. Harmondsworth et al.: (Penguin books: Penguin history) [in English]

10. Levý Jiří (1967) "Translation as a Decision Process". In: *To Honor Roman Jakobson. Essays on the occasion of his 70 birthday, 11. October 1966*. Band: 2, The Hague etc.: Mouton (Janualinguarum. Seriesmaior 32), 1171–1182 [in English].

11. Venuti Lawrence (1995) *The Translator's Invisibility. A History of Translation*. London and New York: Routledge (Translation Studies) [in English]

12. Kunilovskaya M.A. *Klassifikatsiia perevodcheskikh oshibok i ikh razmetka v brat* [Classification of translation mistakes and their marking in brat]. In: *Problemy teorii, praktiki i didaktiki perevoda: sbornik nauchnykh trudov. Seriiia «Iazyk. Kul'tura. Kommunikatsiia»* [Problems of translation theory, practice and methods of teaching translation: collection of research papers. Series «Language. Culture. Communication»]. Issue 16, Vol. 1. Nizhny Novgorod: NGLU im. N.A. Dobroliubova, 2013, pp. 59–71 [in Russian].

13. Sdobnikov V.V. *Otsenka kachestva perevoda. Kommunikativno-funktsional'nyi podkhod. Monografiia* [Estimate of the quality of translation. Communicative and functional approach. Monograph]. M.: Flinta, Izd-vo Nauka, 2015, 107 p. [in Russian].

*A.Yu. Ivleva, K.B. Svoikin**

CATEGORY OF EQUIVALANCE IN RUSSIAN AND WESTERN THEORY OF TRANSLATION

The article deals with the problems of equivalence as a translation category. There are given some opinions on the topic discussed proposed by Russian and Western linguists. It is supposed that a multi-sided analysis of translation as a global phenomenon will lead to new perspective results. The aim is to show the importance of interpreting translation within the limits of modern society changeable demands.

Key words: equivalence, Soviet translation theory, Western translation theory, language asymmetry, political asymmetry, cultural turn, norm, quality translation assessment.

Статья поступила в редакцию 12/IX/2017.

The article received 12/IX/2017.

* Ivleva Alina Yurjevna (trp@fld.mrsu.ru), Svoikin Konstantin Bertoldovich (ang_phil_chair@mail.ru), Faculty of Foreign Languages, Department of Speech Theory and Translation, Ogarev Mordovia State University, 68, Bolshevistskaya St., Saransk, 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation.